

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 5-го Июня 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10310.

ЖЕРТВА.

(Разсказъ).

Почему его прозвали Рѣдькой—неизвѣстно. Худой, сгорбленный, съ длинной жилистой шеей и вытянутой впередъ продолговатой головой, онъ скорѣе походилъ на загнанную крестьянскую клячу, чѣмъ на рѣдьку; характеръ же у него былъ самый безобидный—мягкій, кроткій, доброжелательный.

Какъ псаломщикъ, онъ носилъ длинные волосы и бороду, но то и другое чесалъ только въ высокоторжественные дни; во всѣ же другіе волосы его висѣли сальными, грязными, спутанными прядями, а борода была всклокочена, въ плевкахъ, табакъ и крошки хлѣба. Говорилъ онъ мало, однословно, въ нось, всегда былъ задумчивъ, хотя никогда ни о чемъ серьезному не думалъ и безпрерывно, тихо про себя пѣлъ „Иже херувимы“.

Всѣ прихожане считали Рѣдьку чахоточнымъ, такъ какъ онъ часто закашливался до головокруженія, багровѣлъ, и, когда кашель проходилъ, налитые кровью глаза долго имѣли безмысличное выраженіе, но фельдшеръ, къ которому однажды обратился Рѣдька, выслушавъ его, сказалъ:

— Пошелъ ты къ черту и больше не показывайся. Никакой чахотки у тебя нѣть, а просто ты, братъ, много куришь.

И хотя Рѣдька, дѣйствительно, много курилъ, курилъ такъ, какъ никто въ мірѣ, жадно глотая дымъ и медленно выпуская его густыми клубами, точно облако застилавшими его лицо и бороду, тѣмъ не менѣе диагнозъ фельдшера былъ ошибоченъ.

Легкія у Рѣдьки были слабыя, дѣти тщедушныя, желтыя, жена болѣзnenная.

Послѣдняя особенно плохо чувствовала себя весной. Весною въ мокротѣ ея появлялась кровь, и со слезами на глазахъ она говорила:

— И зачѣмъ ты, Ваня, поѣхалъ въ это проклятое село. Восемь лѣтъ какъ мы здѣсь, и не было дня, чтобы кто-нибудь изъ насъ не болѣлъ: то ты, то я, то дѣти.

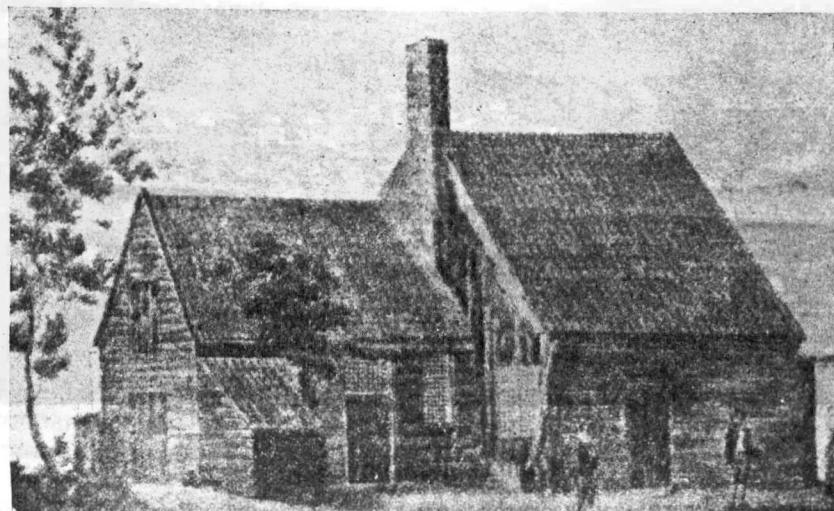
— Зачѣмъ, зачѣмъ!—сердился Рѣдька. Точно ты не знаешь—зачѣмъ. Петръ соблазнилъ, наговорили про него турусы на колесахъ, ну и поѣхалъ. А оказалось совсѣмъ не то. Простъ то

Къ открытию памятника Петру Великому въ Заандамѣ, въ Голландіи.

20 апрѣля (2 мая) въ Заандамѣ, гдѣ въ 1698 г. работалъ на верфи, въ качествѣ простого плотника, Петръ I, былъ торжественно открытъ памятникъ великому царю, работы скульптора Л. Бернштама, подаренный городу Государемъ Императоромъ.

У подножія увѣнчанного гирляндами памятника—молодыя заандамскія дамы въ старинныхъ мѣстныхъ костюмовъ. На открытии памятника ихъ хоръ пропѣлъ кантату, посвященную торжеству.

Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ.

Государь Императоръ пожаловалъ городу Заандаму въ Голландіи памятникъ Петру Великому, работы Бернштама. Депутація Заандама, пріѣзжавшая благодарить Государя, поднесла Его Величеству модель Заандамскаго домика.

онъ—простъ, слова нѣть, и добро-
душень на рѣдкость, да какой изъ
этого толкъ? Пойдемъ по приходу, у
отца Павла все: и хлѣбъ, и деньги, и
птица, такъ что возъ ломится, а у насъ
ничего.

Тутъ откажется, тамъ что-нибудь су-
нетъ. Эхъ, говоритъ, братцы, ничего
то вы не понимаете. А потянемъ-
ся самъ или шепнешь: берите—расхо-
 хочетъ и пристыдить. Прямо чудакъ
какой-то. Ни у самого ничего нѣть,
ни у насъ. Да это бы все еще не бѣда,
главное, характеръ неровный. Хохо-

четъ, хохочетъ недѣли двѣ-
три, а потомъ, вдругъ, за-
думается и...

— Что? Запѣтъ? спраши-
валъ жена.

— Хуже, отвѣчалъ Рѣдь-
ка и, запахнувъ длинныя
полы засаленаго подряс-
ника, изъ подъ котораго
смотрѣли старыя порыжѣв-
шія голенища сапогъ, нервно
начиналь ходить по комнатѣ.

Въ такія минуты онъ испу-
гнанно вздрагивалъ и блѣд-
нѣль при каждомъ звуки,
особено когда слышалъ въ
дверяхъ передней чи-ни-
будь шаги, или голосъ куче-
ра отца Петра, а жена смо-
трѣла на него и никакъ не
могла догадаться, почему
онъ говорить каждый разъ
это таинственное „хуже“. И если случалось, что послѣ
такого разговора въ перед-
ней показывался кучерь
отца Петра, и Рѣдька, взгля-
нувъ на него, блѣднѣль и,
не спрашивая, зачѣмъ онъ
пришелъ, молча одѣвался
и нехотя уходилъ, жена крот-
ко, страдальчески говорила:

— Не ходи, Ваня, пожа-
луй себя и семью. Придешь
на разсвѣтъ, пьяный, разбиты-
ый, а потомъ всю недѣлю
будешь кашлять.

Но Рѣдька зналъ, что ес-
ли не пойти сегодня, то при-
дется идти завтра, еще че-
резъ два-три дня, и шель,
чтобы отѣлиться.

— Хуже? Что же можетъ
быть хуже? недоумѣвала же-
на, запирая двери за Рѣдь-
кой, и теряясь въ догад-
кахъ, не спала до утра.

Какъ-то весной Рѣдька при-
шелъ отъ отца Петра рань-
ше обыкновенного, когда въ
домѣ всѣ спали. Онъ тихо
раздѣлся, легъ и, чего рань-
ше никогда не дѣлалъ, за-
крылъ лицо одѣяломъ. Весь
день онъ не поднимался съ
постели, не курилъ, не при-
нималъ пищи, кашлялъ, во-
рочался и тихо стональ, ста-
раясь скрыть свое лицо отъ
жены. Къ вечеру у него по-
явился бредъ.

— За что ты меня бѣшь, отецъ?
Петръ умоляюще произносилъ онъ.
Чѣмъ я виноватъ въ своей кротости
и терпѣнії? Ты изстрадался, тебѣ все
опротивѣло, кругомъ ты видишь одно
горе, мракъ, несправедливость, ну и
кричи объ этомъ... ну и бейся голо-
вой о стѣну. А мнѣ все равно. Ахъ,
больно, отецъ Петръ... Не вырывай
моихъ волосъ, не таскай меня по полу,
не топчи меня ногами. Побойся Бога,
у меня дѣти, жена. Тебѣ противно
моє терпѣніе, моя кротость, мое мол-
чаніе. Ты говоришь, что я подляя

тварь, и тебе хочется услышать мой крикъ на все село, мое проклятье, мою жалобу на болѣзнь, нужду, на смѣши. Не могу, отецъ Петръ...

Жена испугалась, насторожилась и ловила каждое слово Рѣдьки. Она начинала понимать, что пугало мужа, когда ему приходилось идти къ отцу Петру, почему онъ возвращался разбитымъ, худѣлъ, молчалъ и всегда былъ печаленъ...

Вотъ оно „хуже“, думала она, плакала и чувствовала, что сердце ея переполняется глубокой, небывалой жалостью и нѣжностью къ мужу.

Сѣвъ у его изголовья, она всматривалась въ его искаженное, страшное, кроткое, блѣдное лицо, роняла на него слезы и нѣжно, любовно проводила тонкой, прозрачной рукой по потѣющему лбу и волосамъ.

Дѣти испуганно подходили, спрашивали у матери, что съ отцемъ, о чѣмъ онъ говоритъ и, не получивъ отвѣта, возвращались въ свою комнатку, шептались и плакали.

Ночью бредъ не прекращался, въ мокротѣ появилась кровь. Пришло послать за фельдшеромъ.

Фельдшеръ не любилъ, когда изъ-за пустяка его беспокоили ночью и появляясь, сердито спрашивалъ:

— На кой чертъ я вамъ понадобился? Увѣренъ, что какая-нибудь ерунда. И всѣ долго колебались прежде, чѣмъ пригласить его ночью.

Поэтому жена Рѣдьки, не успѣвъ еще открыть ему дверь, сказала: бредитъ, кровь появилась въ мокротѣ, не єсть.

Но фельдшеръ былъ не въ духѣ и, снимая пальто, все-таки проворчалъ:

— Знаю. Быль у отца Петра, наржался. Вотъ и все.

Но когда онъ увидалъ Рѣдьку, выраженіе его лица стало серьезнѣе и мягче. Онъ сразу понялъ, что дѣло плохо, и старательно сталъ осматривать и выслушивать Рѣдьку. Затѣмъ, выйдя въ другую комнату, сказалъ:

— Дѣло скверное, хотя и небезнадежное. Надо только хорошо лечить. Пока кладите на голову компрессы и давайте микстурку, которую я пропишу, а что дѣлать потомъ, увидимъ завтра.

Огь вида и тона, какимъ все это говорилъ фельдшеръ, повѣяло въ душу жены псаломщика чѣмъ-то недобримъ, жуткимъ, мрачнымъ, и, проводивъ фельдшера, бѣдная, безпомощная женщина стала молиться и плакать.

Она не спала всю ночь и то давала больному микстуру, то клала на его голову компрессы.

Утромъ Рѣдька стало, какъ будто, лучше. Онъ попросилъ стаканъ чаю и велѣлъ позвать отца Петра.

М. К. Заньковецкая.

Къ гастролямъ ея въ Харьковѣ (съ 7 июня).

Городъ Подгорица.

расположенный въ четырехъ километрахъ отъ турецкой границы. Виднѣющіяся горы — мѣсто сражений между албанцами и турками.

— На что онъ тебѣ? говорила жена, только разстроишься, а тебѣ волноваться нельзя. Лучше потомъ.

Но Рѣдька стоялъ на своемъ.

Отецъ Петръ пришелъ сейчасъ же. Его трудно было узнать. Выраженіе его лица было серьезное, мрачное, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то величественно-скорбное, какъ будто онъ никогда не хохоталъ, не шутилъ, не былъ добродушенъ...

— Вотъ до чего довели вы меня, отецъ Петръ, тихо, болѣзненно проговорилъ Рѣдька. Кто будетъ теперь кормить мою семью?

Но отецъ Петръ ничего не отвѣтилъ. Онъ сѣлъ около Рѣдьки и опустилъ на руки голову.

— Что я надѣлъ, что я надѣлъ, окаянный, говорилъ онъ, рыдалъ. Прости меня, дорогой Ивановичъ, не тебя я истязаю и ненавижу, а въ тебѣ ненавидѣлъ я и истязаю себя, свою кротость, любовь, безкорыстіе, терпѣніе! Но ненависть моя отъ разума, а не отъ сердца, не отъ души. Сердце хотѣть любить и прощать, душа — вѣрить, а разумъ, разумъ проклятый шепчетъ: зачѣмъ, на что, для чего? Посмотри, какъ противны, жалки, ненужны кротость, любовь, терпѣніе; посмотри, какъ торжествуетъ и смиается надъ ними зло, себялюбіе, безсердечіе, какъ съ ними легко и хорошо... И въ борьбѣ разума съ сердцемъ — я теряюсь, слабѣю, впадаю въ безуміе, а потомъ... Ты знаешь меня, Иванычъ. Это нужно моей душѣ, какъ нужна гроза и буря воздуху, чтобы потомъ снова стало свѣжо, легко, ясно. И, слушая его, Рѣдька тоже плакалъ и говорилъ:

— Успокойся, отецъ Петръ, все прощаю, все отпускаю. Вижу, какъ и почему страдаетъ твоя душа, вижу, какъ ты несчастенъ. Только не дѣлай этого больше, не надо. Слабъ я, отецъ Петръ, видишь.

Слова эти сразу измѣнили выраженіе лица священника Петра. Оно стало одухотвореннымъ, свѣтлымъ, радостнымъ; глаза загорѣлись какою-то рѣшительностью, торжествомъ и вдохновеніемъ.

Уходя, онъ поцѣловалъ Рѣдьку долгимъ, братскимъ поцѣлеваніемъ въ щеку и благословилъ.

На слѣдующій день послѣ обѣданія отецъ Петръ, считавшійся лучшимъ въ своей епархіи составителемъ проповѣдей, произнесъ проповѣдь.

Онъ говорилъ о счастьи и торжествѣ любви, добра, кротости, терпѣнія, и говорилъ такъ вдохновенно, горячо, убѣжденно, что многіе

плакали... А черезъ нѣсколько дней послалъ прошеніе о разрѣшеніи ему оставить службу, чтобы провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ.

Вскорѣ было получено разрѣшеніе. Къ этому времени Рѣдька поправился, и между нимъ и отцомъ Петромъ установилась молчаливая, но какая-то тѣсная, духовная близость.

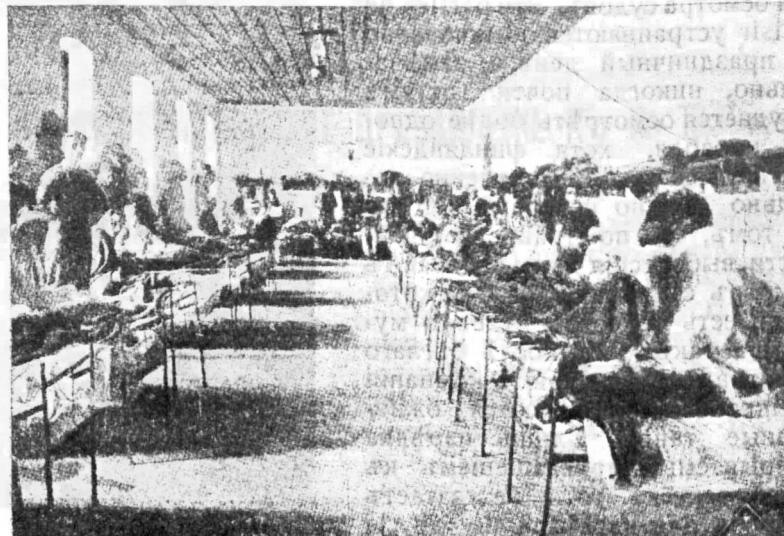
Разставаясь съ отцомъ Петромъ, онъ плакалъ, говорилъ:

— Скучно и одиноко, пусто будетъ мнѣ безъ тебя, отецъ Петръ, пошель бы и я за тобою, да ничего не подѣлаешь: жена, дѣти. Приходится жить среди мірянъ, но мы встрѣтимся, встрѣтимся тамъ — и поднимать руку къ небу...

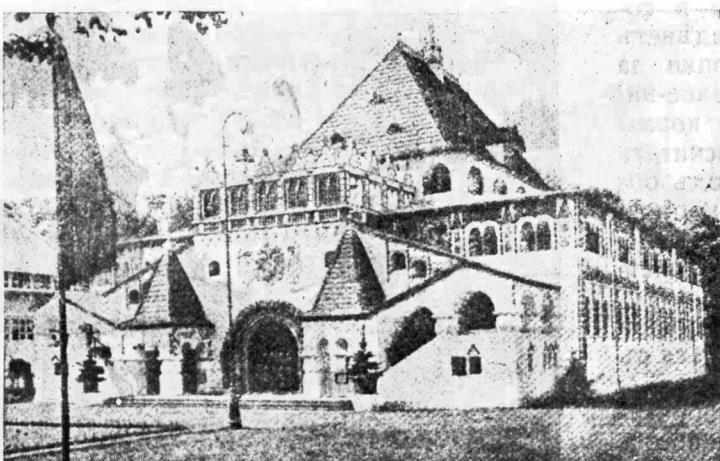
8. А-чъ

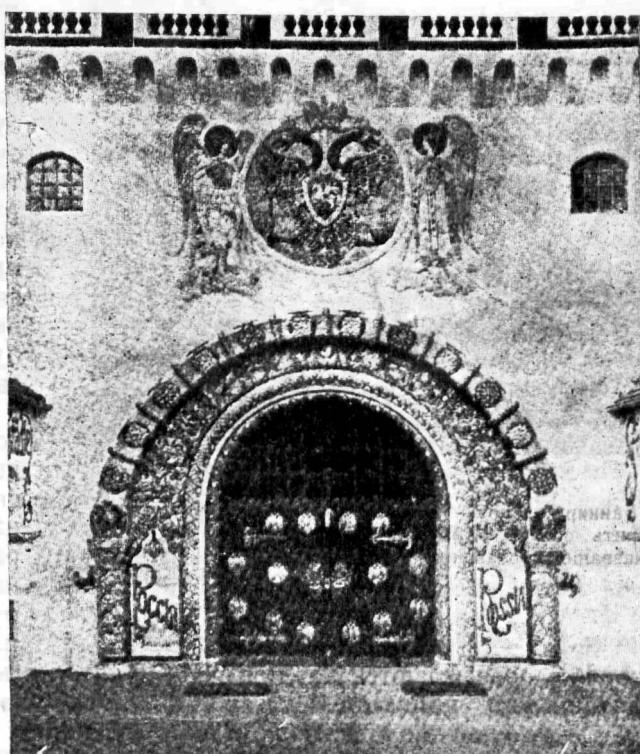
Албанцы-католики на молитвѣ передъ боемъ.

Раненые албанцы въ черногорскомъ госпиталь въ Подгорицѣ.

Павильонъ русского отдѣла на выставкѣ гигіены въ Дрезденѣ.

Входъ въ русскій павильонъ на международной выставкѣ гигіены въ Дрезденѣ.

По окончаніи выставки эти художественные двери будутъ перевезены въ Петербургъ для библиотеки института экспериментальной медицины.

ВЪ ФИНЛЯНДСКИХЪ ШХЕРАХЪ.

ОЧЕРКИ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Выборга, на одномъ изъ многочисленныхъ острововъ финляндскихъ шхеръ, стоитъ небольшой лѣсопромышленный городокъ Тронзундъ, съ лѣсопильными верфями, на которыхъ строятся небольшія шхуны и „финки“—особаго рода лодки, на которыхъ финляндцы пускаются, даже въ одиночку, въ довольно продолжительная и отдаленныя плаванія подъ парусами, по Финскому заливу.

Два-три не особенно большихъ лѣсистыхъ, но пустынныхъ острова отдаляютъ городъ Тронзундъ отъ обширного открытаго плеса, извѣстнаго подъ именемъ тронзундскаго рейда. Этотъ просторный водный бассейнъ уже много лѣтъ служитъ центральнымъ мѣстомъ практическихъ занятій почти всего балтийскаго флота. Сюда собираются броненосцы для практической пальбы изъ орудій, здѣсь же, на пустынныя острова, окружающіе рейдъ, производится учебная высадка десанта; по рейду происходитъ катаніе подъ парусами на баркасахъ, катерахъ, гичкахъ и вельботахъ, и здѣсь же производятся гонки на вѣслахъ всевозможныхъ гребныхъ судовъ. На тронзундскій рейдъ собираются для смотровъ и суда отряда, плавающаго съ воспитанниками морскаго корпуса, старшіе питомцы котораго произво-

дятъ здѣсь съемку береговъ и промѣры тѣхъ сотенъ проливовъ, которые отдѣляютъ другъ отъ друга всѣ многочисленные острова финляндскихъ шхеръ.

Съ ранней весны и до поздней осени тронзундскій рейдъ живетъ свою собственnoю жизнью. Когда всѣ суда въ сбояхъ, на рейдѣ происходитъ кипучая дѣятельность; при уходѣ части судовъ въ плаваніе, жизненный пульсъ бываетъ нѣсколько слабѣе, тѣмъ не менѣе чувствуется, что всѣ тутъ дома, въ привычной обстановкѣ, не нуждаясь ни въ чёмъ постороннемъ. И дѣйствительно, несмотря на близость города Тронзунда, имѣющаго ежедневное, по нѣсколько разъ, сообщеніе пароходами съ Выборгомъ, рѣдко ктоѣздитъ туда съ рейда. Только на какія-нибудь особыя празднества, по полученіи специальныхъ приглашеній, 10—15 офицеровъ отправляются туда на паровыхъ катерахъ или на небольшомъ пароходѣ, состоящемъ при эскадрахъ для посылокъ.

Въ обыкновенное время никого не тянетъ въ городъ, да незачѣмъ иѣхать туда. Почта изъ Кронштадта доставляется казенными пароходами два раза въ недѣлю, а изъ Выборга и Тронзунда привозится ежедневно, когда

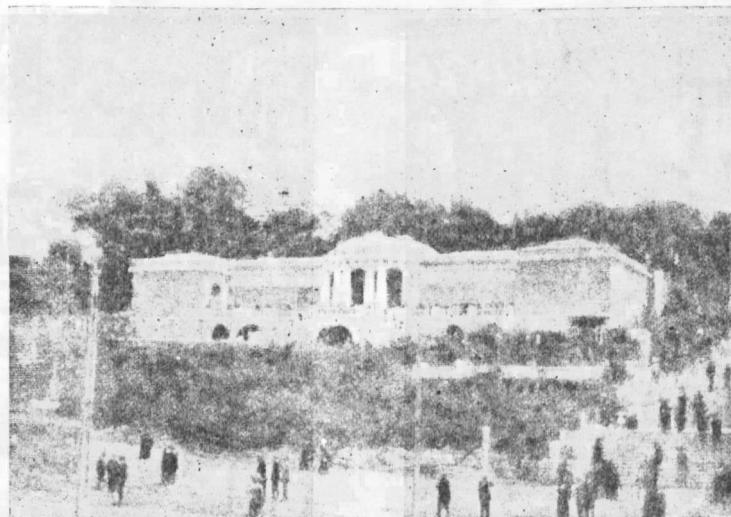
судовые буфетчики єздятъ туда за свѣжей провизіей.

Въ составѣ эскадръ, собирающихся на тронзундскомъ рейдѣ, всегда имѣются механическая мастерская для всевозможныхъ подѣлокъ, въ которыхъ могутъ нуждаться суда, и образцовая баня, которой пользуются всѣ судовыя команды, независимо отъ обыкновенного морскаго купанья.

Для развлечений команды на прилегающемъ къ рейду большомъ островѣ Соніонъ-Сари, устроены качели, гигантскіе шаги, кегельбанъ и т. п. Въ кратковременное сѣверное лѣто нѣть времени для проявленія потребности въ чёмъ-либо другомъ.

Выборгское общество, особенно выборгскія дамы, выказываютъ гораздо большее стремленіе къ общенію съ нашими моряками. Каждое лѣто, въ заранѣе обусловленные дни, 2—3 выборгскіхъ парохода съ цѣлой толпой гостей посѣщають тронзундскій рейдъ.

для осмотра судовъ. Эти partis de plaisir устраиваются обыкновенно въ праздничный день, и замѣтно, никогда почти гостямъ не удается осмотрѣть болѣе одного корабля, хотя финляндскіе гости уѣзжаютъ обыкновено довольно поздно вечеромъ. Дѣло въ томъ, что, по странной случайности, выборгскія дамы начинаютъ осмотръ съ тѣхъ судовъ, на которыхъ есть оркестръ духовой музыки, а такъ какъ послѣ бѣглого осмотра палубъ и каютъ-компаний обыкновенно начинаются оживленные танцы, лишь изрѣдка прерываемые приглашеніемъ къ чаю и закускѣ, то и не хватаетъ времени для переѣзда на другія суда. Когда число прїезжающихъ дамъ бываетъ особенно значительно, съ удостоенного посѣще-

Русскій павильонъ на выставкѣ изящныхъ искусствъ въ Римѣ.

Банкиръ. Князь попросилъ у меня спичку, чтобы закурить сигару. Какъ вы думаете, могу я надѣяться на название поставщика его сіятельства?

(„Flieg. Bl“).

ніемъ корабля разсылаются на другія суда шлюпки съ приглашеніемъ на подмогу танцующей молодежи.

Десятки лѣтъ тронзундская жизнь течетъ какъ бы однообразно, но на самомъ дѣлѣ далеко не монотонно. Дѣйствующія лица мѣняются, а съ ними мѣняется и настроеніе, и уголь зреѣнія, подъ которымъ смотрится на обычно чередующіяся занятія, среди которыхъ катаніе подъ парусами представляется однимъ изъ оживляющихъ и развивающихъ.

Какъ для кавалериста лестно погарцевать верхомъ и выказать молодечество въ управлѣніи иногда горячимъ конемъ, такъ для моряка заманчиво хорошо управляться со шлюпкой подъ парусами: обогнать конкурента и, поворотивъ на другой галсъ, „обрѣзать“ ему носъ или корму. Этую послѣднюю задачу особенно поощрялъ въ бытность начальникомъ броненосной эскадры покойный адмиралъ Григорій Ивановичъ Бутаковъ.

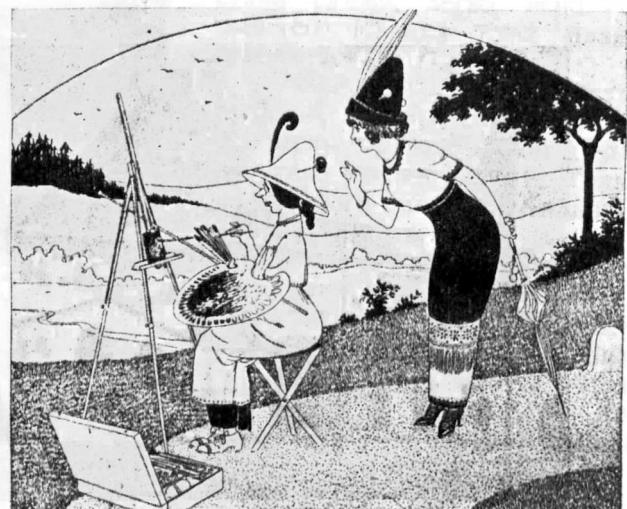
Обрѣзать носъ или корму, значитъ пройти вплотную подъ носомъ или кормою какого-нибудь судна или шлюпки, не задѣвъ ихъ или не останавливаясь. На рейдахъ „обрѣзаютъ“ обыкновенно корму стоящихъ на якорѣ судовъ. Для этого требуется не только вѣрный глазъ, чтобы пройти подъ са-

мой кормой, но и сообразить — не задѣнеть ли мачта шлюпки за балконъ или какое-нибудь украшеніе кормы судна. Надо рассчитать также, чтобы подъ обрѣзываемою кормою не захватило зatisшье, при которомъ потеряетъся ходъ шлюпки, и рулевой не въ состояніи будетъ управляться съ своей посудиной.

Развивая сообразительность и способность вѣрно оцѣнивать свое положеніе, покойный доблестный адмиралъ всегда заставлялъ катающихся подъ парусами рѣзать корму пароходо-фрегата, на которомъ онъ держалъ свой флагъ. Отъ этого не освобождались и тѣ шлюпки, которые посылались куда нибудь за дѣломъ и должны были проходить мимо адмирала. Въ предупрежденіе возможности неудачи маневра и сопряженной съ этимъ аваріи, къ рулю адмиральского судна прибивалась 2—3-аршинная тоненькая деревянная рейка. Надо было такъ рѣзать корму, чтобы не сломать рейку; даже задѣвая рейку, небольшой толчекъ давалъ звонокъ въ адмиральскую каюту и тѣмъ выдавалъ неловкаго.

Во время шлюпочного катанья, Григорій Ивановичъ всегда стоялъ на кормовой площадкѣ, наблюдая за маневрирующими шлюпками, и всегда радовался ловкому управлѣнію, поощряя похвалою отличавшихся. Я помню случай, когда вниманіе адмирала было отвлечено какимъ-то докладомъ въ то время, когда одинъ изъ офицеровъ вплотную почти рѣзalъ ему корму. Желая заявить о себѣ, офицеръ подбросилъ фуражку, которая упала прямо къ ногамъ адмирала. Генералъ-адъютантъ адмиралъ Г. И. Бутаковъ такъ былъ доволенъ лихостью управлѣнія, что на другой день самъ посыпалъ судно, которому принадлежалъ отличившійся катеръ, и, въ присутствіи всей команды, поблагодарилъ управлявшаго катеромъ лейтенанта.

Вѣрность глаза и находчивость, составляютъ обязательное требованіе, предъявляемое ко всякому флотскому офицеру. Ни что такъ не укрѣпляло эти качества, какъ управлѣніе парусами. На современныхъ судахъ паруса уступили мѣсто машинѣ, и сами корабли стали похожи на часовой механизмъ. Вся эта техника непрестанно совершенствуется, за всѣмъ этимъ морякъ долженъ слѣдить и по возможности во всемъ специализироваться. Но надѣль всей техникой царить все-таки живой духъ, т.-е. личные способности, личная энергія, умѣніе быстро опредѣлить свое положеніе, находчивость, чтобы, не раздумывая долго, выйти изъ всякоаго затрудненія, котораго въ морской

Художница. О, природа — моя лучшая подруга.
Дѣвица. То-то вы стараетесь ее такъ обезобразить.

(„Flieg. Bl“).

службѣ могутъ встрѣтиться на каждомъ шагу.

Теперешніе флоты нуждаются, пожалуй, даже болѣе чѣмъ прежде, въ сообразительныхъ и находчивыхъ офицерахъ. Вотъ почему въ составѣ учебной эскадры морского корпуса всегда находятся одно или два исключительно парусныхъ судна. Эти сравнительно менѣе дорогія суда даютъ превосходную, ничѣмъ незамѣнимую школу для выработки самостоятельности, ловкости и находчивости.

Апрѣлевъ.

ЦИНКОГРАФІЯ

„Южнаго Края“,

Харьковъ, Сумская, 13.

принимаетъ заказы на всевозможнаго рода клише.